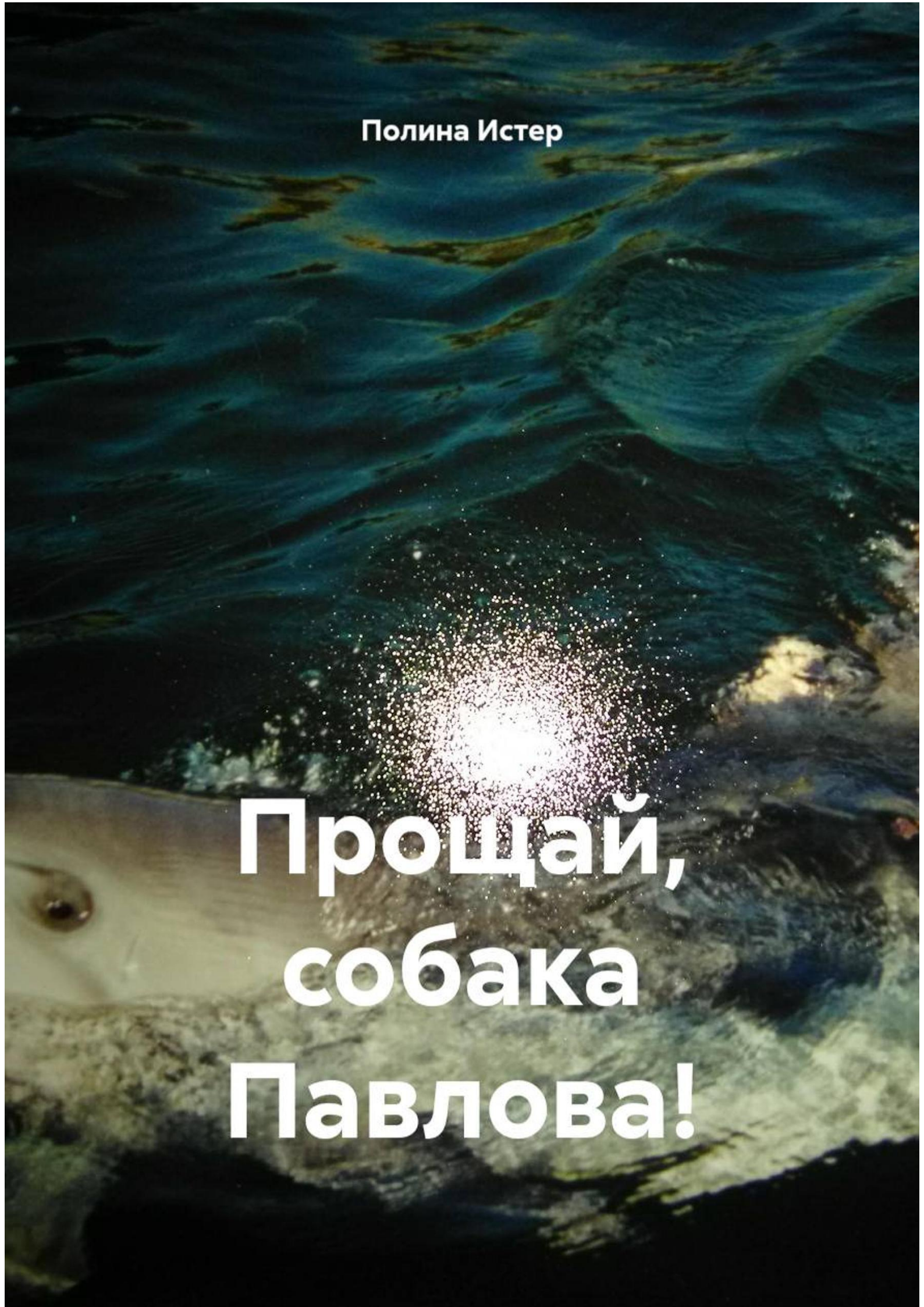

Полина Истер

**Прощай,
собака
Павлова!**

Полина Истер

Прощай, собака Павлова!

«Автор»

2026

Истер П.

Прощай, собака Павлова! / П. Истер — «Автор», 2026

Я обыкновенная женщина, много лет живущая вдали от родины, осознавшая,
что родина — она сама.

© Истер П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Манифест	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Полина Истер

Прощай, собака Павлова!

Манифест

Каждый человек приходит в этот мир чистым и неделимым сознанием. Но с первых же дней в нас начинают встраивать чужие программы, страхи, ожидания и зависимости — как инородные тела, навязывая чужие роли и чужую боль. Эта книга — не хроника обид и не мемуары жертвы. Это акт возвращения суверенитета. Я возвращаю всё, что было отдано под давлением, заложено в капканах чужих ошибок и присвоено теми, кто не умел любить. Я забираю свою энергию из каждого прожитого кошмара, из каждого сломанного дня, из каждого навязанного извне сценария. А всё чужое — страхи, клейма, чужие грехи, привитые зависимости и разрушающий мусор — я возвращаю тем, кому оно принадлежит по праву. Это манифест абсолютной независимости. Прощание с системой чужих рефлексов и возвращение к подлинности.

Глава 1

Я родилась в 1968 году в московской семье, в стране, которая называлась тогда СССР. Впервые я осознала себя в 3 года, было это в больнице во время выписки. Меня из больницы пришли забирать две бабушки — прабабушка Маня, бабушка моей матери, и Тамара Павловна, мать моего отца. Мама меня не встречала. Пришли эти две бабушки, и я должна была пойти с одной из них. Они не сговариваясь пришли. Бабушка Маня стояла и молчала. Я её знала и чувствовала, она мне была ближе. А Тамара Павловна упрекала меня за то, что я не хочу с ней идти, что она мне якобы давила морковный сок и носила в больницу — я этого вообще не помню. Вот это моё первое осознание: две бабушки, эта двойственность, и я должна сделать выбор. Я испытывала чувство доверия и теплоту скорее к бабушке Мане, интуитивно чувствовала её. А Тамара Павловна, которая пыталась мной манипулировать, вызывала у меня отторжение и недоверие. В этот момент меня поглотило смущение. Немного придя в себя, я выбрала бабушку Маню, которая мне была близка и понятна, но я очень была смущена... Бабушка Маня, я не помню, куда она меня увезла тогда — возможно, к себе, возможно, к нам. Мы жили в Тушино на улице Свободы в 12 этажном блочном доме, посреди большой деревни на окраине Москвы. Деревенские дома постепенно сносили, а на их месте появлялись современные многоэтажки. Вскоре, от деревни не осталось и следа. Бабушка Маня за мной присматривала. Мама ей в благодарность давала деньги... ну, в общем, маме неохота было мной заниматься, поэтому бабушка это делала за неё. Она жила на бульваре Карбышева, в хрущёвке на первом этаже. Я помню, как мы с бабушкой перемещались между этими двумя объектами на троллейбусах через метро Сокол.

Дальше, я помню, было мне года четыре. Мы собирались ехать на дачу, которую снимали в Подмосковье. Родители меня привели к Тамаре Павловне. Там была Галя, моя старшая сестра, которая у них воспитывалась. Галя была старше меня на четыре с половиной года. Они готовились к выезду, но что-то пошло не так. Перед этим Тамара Павловна купила на рынке цыплят. Они жили прямо недалеко от Тушинского рынка, куда иногда на грузовике привозили цыплят и продавали по 5 копеек. Тамара Павловна купила штук 10, чтобы вырастить из них кур, чтоб потом они несли яйца. И вот родители привели меня, мы уже должны были отправляться на эту съёмную дачу — с Тамарой Павловной и с Галей. Вдруг я увидела, что в ванной комнате, прямо на подставке для таза, Тамара Павловна раскладывает цыплят. Они умирали один за другим, и она клала их маленькие, ещё тёплые, безжизненные тельца на это деревянное приспособление. Они увядали прямо на глазах, а она подзывала мою старшую

сестру и говорила: — Ты видишь, они умирают? А знаешь почему, Галечка? Они умирают, потому что Полечку к нам привели. Эти цыплятки умирают, потому что Полечку привели. Ну, давай же угостим Полечку чем-нибудь! — без всякого перехода сказала она. Меня, четырёх-летнего ребёнка, пригласили в гостиную, заварили чай. Галя взяла блюдечко, размешала там сахар с водой и протянула мне: — Вот, Полечка, это твоё угощение. Сказала Тамара Павловна и продолжала причитать рядом, что цыплятадохнут только потому, что пришла я. Ещё до того, как меня привели к ним перед отъездом на дачу, Тамара Павловна говорила Гале: — Ты видишь, родители тебя не любят, потому что ты воспитываешься здесь, а Полечка воспитывается с родителями.

Я росла с мыслью, что, может быть, один ребёнок остался там, а другого перевезли на новую квартиру. Но оказалось, что раньше мы все жили в одной квартире с Тамарой Павловной: и мы две сестры, и папа с мамой, и бабушка с дедушкой. Мы переехали с папой и мамой на улицу Свободы, только когда мне исполнилось три года. А Тамара Павловна просто не хотела отдать Галю. Она заявила: «Галечке здесь хорошо, мы её любим, пусть она останется». Молодые родители поехали в новую квартиру только со мной. Галя же осталась жить с папиными родителями, и ей там действительно было хорошо, но Тамара Павловна периодически брызгала ядом и твердила, будто Галя не любит. И вот когда Галя угощала меня этим сладким сиропом, она повторяла всё это прямо при мне. Ребёнок не понимает реальности до конца, не осознаёт взрослые подоплёку и фальшь — так думают взрослые. Но почему-то я всё понимала. Для меня это до сих пор загадка: откуда в три-четыре года во мне жило это абсолютное знание, что вокруг происходит что-то неестественное, лживое, насквозь фальшивое? Я записываю эти воспоминания сейчас и чётко помню то детское ощущение: поведение взрослого человека было ненормальным, и я считывала это безошибочно.

Дальше мы приехали на дачу в Опалиху. Это было совсем рядом с Москвой, но казалось, что мы попали в другой мир. Вокруг стоял настоящий лес, такой густой, что мы будто жили в самой его глубине. Поезда, которые где-то там ехали, были совсем не слышны — вокруг стояла звенящая, радостная тишина. Меня поразили этот чистейший воздух: он был такой вкусный, что его хотелось пить, как воду. Я помню ослепительное яркое солнце и дурманящий, сладкий запах нагретых сосен. Всё вокруг казалось каким-то волшебством — летали пестрые бабочки, на все лады заливались птицы. Я была частью этого мира, растворялась в нем. Это соприкосновение с живой природой было мне настолько по душе, я так глубоко впитывала её каждой клеточкой, что чувствовала себя по-настоящему дома. Но эту гармонию нарушало то, что происходило рядом. Галя бегала по траве с сачком, увлеченная ловлей огромных стрекоз, которых она называла пиратами. Сама по себе игра меня не пугала, но меня глубоко покорило то, что было дальше: когда ей удавалось поймать такую стрекозу-пирата, она с помощью Тамары Павловны прикрепляла её иголкой к деревянной стене дома как безжизненный трофей. К сожалению, в этом волшебном месте мы оставались недолго. Через какое-то время пришла весть о смерти дедушки. Тамара Павловна с Галей горько плакали и скорбели, а я не почувствовала ничего. Я не была привязана к дедушке, а кроме того, в четыре года я ещё просто не осознавала, что такое смерть, что значит навсегда потерять человека, которого ты любишь. Поскольку я не чувствовала его любви к себе и не было эмоциональной близости, всё это горе прошло для меня стороной, не задев мою душу. После этого мы спешно возвратились в Москву, каждый в свою квартиру.

Мой опыт проживания с ней был печален, и я больше никогда не хотела его повторить.. Анализируя своё восприятие тех лет, я до сих пор поражаюсь одной вещи. В три-четыре года я осознавала ситуации намного яснее и правильнее, чем потом, с накоплением взрослого опыта. Откуда у маленького ребёнка эта кристальная чёткость? Всё просто: мозг ещё не оброс защитными механизмами, стереотипами и шаблонами вроде «так надо», «она же старше» или «все так живут». У трёхлетнего человека чистейшие рецепторы. Если кто-то говорит ласково, но

от этого веет холодом и манипуляцией — ребёнок считывает именно холод, а не слова. Он видит суть напрямую, минуя логический анализ. Это уже потом, вырастая, мы начинаем обрывать социальным мусором, учимся оправдывать чужие поступки («ну она же пожилой человек, она просто хотела как лучше») и подавлять собственную интуицию. Мы затыкаем внутренний голос, чтобы вписаться в семью и социум. Настоящее прозрение, к которому люди идут десятилетиями через психотерапию и кризисы — это не приобретение чего-то нового. Это возвращение к той самой детской чистоте, когда ты видишь людей и ситуации насквозь — так же ясно, как на крыльце в три года, когда перед тобой стояли две бабушки.

Глава 2 После возвращения из Опалихи меня отдали в детский сад. Мне там категорически не нравилось: это была пятидневка. Я проводила там по пять дней в неделю, оставаясь на ночёвки, и как бы ни просила родителей забрать меня, всё было бесполезно — приходилось ходить. Но через некоторое время наступило новое лето. Родители больше не стали рисковать с Тамарой Павловной. Решили так: Тамара Павловна останется с Галей в Опалихе, а мы поедем с родственниками по маминой линии в Морозки. Снимем большую дачу на всех — большой семьёй, как говорится, оптом — и будем отдыхать. Мне тогда исполнилось пять лет. Мы поехали с папой в Морозки искать дом. Долго ходили, спрашивали местных, кто сдаёт жильё, и наконец нашли огромный дом с несколькими комнатами на лето. Отец начал договариваться о цене, объявив хозяину, что жить будут четыре семьи: моя мама со мной и папой, две мамы тётки и моя бабушка с мужьями и детьми. Тут во дворе залаяла посаженная на цепь собака. У хозяина загорелись глаза от предвкушения солидного куша за такой большой «оптовый» заезд, но отец сразу сказал: — Нет, злые собаки нам не нужны, поищем другое место. Хозяин тут же отмахнулся: «Да не проблема, уберу собаку». Как выяснилось позже, он её просто застрелил. Когда я узнала об этом — уже позже, случайно услышав разговор соседей или тёток, — я была в шоке. Потом мы приехали с вещами обустраиваться в Морозках — в тридцати километрах от Москвы по Дмитровскому шоссе. Я начала знакомиться с многочисленными родственниками. Приехала тётя Люда с дочерью и мужем — мама тётки. Приехала тётя Таня с мужем и дочерью. И приехала бабушка Ася, мама моей матери, со своей новой семьёй: с мужем и детьми — Леной, Витей и маленькой Юлей, которая была старше меня на два с половиной года. С Юлей мы сразу познакомились и подружились. И эта дружба, прошедшая красной нитью через всю нашу жизнь, длится уже больше полувека. Юля выросла удивительным, очень интересным человеком, но об этом позже. Мы много гуляли. Леса, как в Опалихе, тут не было, зато простиралось огромное клеверное поле, уходившее прямо к каналу. Как оно пахло! Не лесной хвоей, но этот густой аромат свежего клевера, простора и ветра не забудешь. Там паслись коровы, и среди них — один маленький рыжий телёнок. Я была в полном восторге. Я подошла к нему: он пах парным молоком, клевером и чуть-чуть — навозом, но это было так чудесно! Папа, шедший рядом, объяснил мне, кто это: коровы дают молоко, а это их детёныш. Я была поражена красотой этих животных и природы. Иногда мы всей большой семьёй ходили купаться на канал. Там тоже было здорово, пока однажды не случилась беда — там утонул подросток, и после этого настроение купаться как-то сразу пропало. Но время шло. Те взрослые родственники, кто умел хорошо плавать, переплывали канал целиком. Однажды, мимо проходило крупное судно и оглушило огромного налима килограмма на пять. Одна из тёток не растерялась: вытащила свеженькую рыбину и заявила, что запечет её. Для меня это было странно и дико — как какую-то рыбу из-под парохода вытаскивали и тащили. Не помню, ела ли я его сама, но все вокруг говорили, что налим получился невероятно вкусным. Экология тогда была лучше, но прошло уже больше пятидесяти лет, и никаких налимов в тех водах давно уже нет. А потом у меня заболел зуб. Мама с папой большую часть времени в Морозках не было — они приезжали редко. Но тут как раз приехала мама, а у отца, видимо, была занята машина — та самая наша белая «копейка». Маме пришлось везти меня своим ходом, на электричке, в Москву. Я отчетливо видела, как её это раздражает: тащить ребёнка

в поликлинику, потом обратно, рушить свои планы. Мы приехали, мне вырвали зуб, и боль утихла. Но я помню, как мне не хватало маминого тепла и сочувствия. И очень долго я не могла понять такого маминого поведения. Лишь спустя годы я поняла, почему так было. Она просто не могла дать мне сочувствие, нежность или любовь, потому что в её собственном детстве этого не было. История моей мамы сложна. Бабушка Ася родила её без мужа, когда ей было двадцать лет. Так, что мама не знала своего отца и никогда его не видела. Маму фактически воспитывала моя прабабушка Маня — мать бабушки Аси. Прабабушка Маня была женщиной невероятной судьбы. Она родилась и выросла в Тамбовской области, и в девятнадцатом году с ней случилось страшное: её едва не зарубил саблей генерал Шкуро. Соседи отбили её в последний момент, умоляя не трогать, доказывая, что она русская, а не еврейка. А приняли её за еврейку из-за яркой внешности: она была смуглой, с густыми тёмными волосами. Удивительно, но такой она оставалась до конца своих дней — у неё практически не было седых волос, и для меня до сих пор загадка, как ей это удалось. А в двадцатом году, когда Мане было двадцать лет, произошла другая история — её похитил мой прадедушка. Он украл её у её тогдашнего мужа и увёз в Москву. Дедушка был очень красив, и я верю, что это была настоящая любовь. В Москве они обосновались в коммуналке в самом центре. Потом у них появилось четверо детей: Ася, Таня, Люда и Валера. Потом дедушка погиб на фронте, Жили тогда они в самом центре Москвы, в коммуналке. Было очень тяжело и бабушка Ася приняла решение ехать на Всесоюзную стройку века — на БАМ, на заработки. Маму бабушка Маня с ней не отпустила. Там, на БАМе, бабушка Ася вышла замуж. Позже, она родила ещё троих детей: Лену, Витю и Юлю, которая была младше моей мамы на 20 лет. Когда коммунальные квартиры в центре стали расселять, её семье дали жильё на юге Москвы, возле метро «Каховская». Младшую дочь Юлю, бабушка Ася просто боготворила. Она постоянно всё хвалилась и говорила: — Какая Юлечка у меня ладненькая и красивая! После такого материнского программирования, Юля действительно выросла красивой. А вот собственную старшую дочь — мою маму — она по сути не воспитывала. К сожалению, мы часто обижаемся на своих родителей за то, чего они нам не дали. Но правда в том, что они зачастую и сами не могли этого дать, потому что не получили в своё время от собственных матерей и отцов. Это очень грустно, но это факт. С годами я смогла увидеть всю картину жизни своей мамы целиком: понять, откуда у неё взялись те или иные черты, где она была обделена, а где получила искажённое воспитание. Понимание этого не отменяет прошлого, но помогает освободиться от старых обид. А лето в Морозках подошло к концу, и мы все вместе вернулись в Москву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.